

История судьбы

ВСТРЕЧА, НЕ ОБМАНУВШАЯ ОЖИДАНИЙ

— Интересовался. Тот отрицался. Потом у него развился сильный атеросклероз с частичной потерей памяти. И рад был бы рассказать, да уже не мог. Выскажу некоторые предположения, но не более. Антифашистский комитет располагался в особняке на Кропоткинской. Дед жил напротив, в перелуке. Наверняка заходил туда, встречался с активистами комитета, вполне мог взять у кого-то почитать верстку «Черной книги». Что же касается его скрытности, осторожности... Времена не располагали к иной манере поведения, общения. Помню, где после войны шел я с матерью по Метростроевской, ныне Остоженке. Она говорит: «Заблудили к деду, дома ли он?». Я поднялся на пятый этаж знакомого мне здания и... застал в комнате деда обыск. Меня, а потом и мать, обеспокоенную моей долгой отлучкой и поднявшимся следом, продержали там целый день. Деда, правда, не арестовали — взяли его жену.

КАК УБИЛИ МИХОЭЛСА

В памяти всех, кто знал Соломона Михайловича, запечатлелся образ удивительно откры-

Давид ГАЙ

«ЧЕРНАЯ КНИГА»

ВОСКРЕСШАЯ ИЗ НЕБЫТИЯ

— 7 января 1948-го я и писатель Дер Нистер с женами встретились вечером в его квартире во дворе ГОСЕТА. Пришел Михозлс. Он был не в настроении, что случалось с ним редко, не шутил, как обычно. Посмотрев на часы, сказал: «Я должен идти». Сегодня вечером уезжаю в Минск». Он отправился туда по поручению комитета, присуж-

Ваню утром идущий на смену рабочий обнаружил труп человека на территории бывшего гетто (зловещий символ). Одна из актрис БелГОСета опознала его. Это был Михозец. Он лежал в шубе, трость, с которой обычно ходил, была разломана на две части, один ботинок ва-

НАЯ ИГА»

[illegible]

«Он был убит, и никакой катастрофы не было, — пишет Аллилуева. — «Автомобильная катастрофа» была официальной версией, предложенной моим отцом, когда ему доложили об исполнении...».

Три дня назад я встречался с дочерью Михоэлса Натальей Со-
моновой, которая гостит сей-
час в Москве.

Оночание.
Начало на 3-й странице.

— Мой отец был злодейски убит — в этом ни у кого нет сомнений, — говорит она. — Во время похорон я стояла у гроба и видела огромную гематому возле правого виска отца. Помню, спросила знаменитого врача профессора Вовси, двоюродного брата моего отца (Вовси потом был арестован по «делу врачей»): «Мирон Семенович, скажите мне только одно — мучился ли папа перед смертью». «Нет, удар был такой силы, что он погиб сразу».

Збарский говорил в тот момент своему сыну Льву: «На теле Михозлса нет абсолютно никаких повреждений, кроме вдавленного виска». Автомобили так не давят...

Что же касается легенды о следах выстрелов, то она абсолютно ничем не подтверждается.

Может быть, пришла наконец пора советским компетентным органам провести расследование всех обстоятельств убийства моего отца?

«БЕЗРОДНЫЕ КОСМОПОЛИТЫ»

Известно, что антифашистский комитет и газета «Единение» были закрыты в конце 1948 года. А точнее? Для истории ведь все важно. Старый журналист, ветеран войны М. Я. Шулман назвал абсолютно точную дату.

— «Эйникайт» («Единение») — единственную и последнюю центральную еврейскую газету в Советском Союзе закрыли в воскресенье, 21 ноября 1948 года. Я привожу здесь точную дату потому, что, как оказалось, мало кто из нас, из тех, кто пережил эту сталинскую акцию, знают, когда точно это случилось. Я специально спрашивал у бывших сотрудников газеты, у чудом уцелевших активистов антифашистского комитета, спрашивал у московских писателей, которые почти ежедневно заходили на Кропоткинскую, 10. Никто эту дату не запомнил, никто не записал.

Как небрежно все-таки относимся мы к собственной истории, к себе самим! А ведь тогда казалось, что этот день запечатлится в памяти, пока мы живем.

Я не лучше других и, хотя был одним из тех немногих, кто присутствовал при ущемлении газеты и комитета, теперь бы тоже начал лепетать: «Где-то, возможно, в конце 48-го, то ли в октябре, то ли в ноябре...». Но у меня случайно, а может быть, и не совсем случайно, сохранился последний номер газеты, датированный субботой, 20 ноября 1948-го. А комитет закрыли на следующий день.

Меня неожиданно вызвали на работу утром в выходной. Здание комитета было окружено грузовыми машинами. Милиционер особо тщательно проверил мой пропуск и пустил внутрь. В редакции сидели какие-то незнакомые люди в штатском, рылись в бумагах. Я передал по описи все свои дела, рукописи и тихонько спросил у Фёфера: «Что происходит?». «Есть постановление закрыть антифашистский комитет и его органы», — шепотом ответил он.

В декабре 1948-го — январе 1949-го пошли аресты. Один за другим исчезали поэты и прозаики: П. Маркиш, С. Галкин, Л. Квитко, Д. Бергельсон, Дер Нистер, А. Гонтарь, С. Гордон, И. Нусинов, М. Грубиан, И. Фёфер, главный редактор газеты «Эйникайт» Г. Жиц, директор издательства «Дер Эмес» Л. Стронгин, главный редактор издательства М. Беленький, критик, сценарист И. Добрушин. Все они были активистами комитета. Был арестован замечательный актер В. Зускин, на котором после гибели Михозлса держался ГОСЕТ, и другие, не только литераторы.

Попал на Лубянку и видный партийный, государственный деятель, в годы войны руководивший Совинформбюро, — С. Лозовский. Волна арестов прокатилась по Киеву, Минску, Одессе, другим городам. Ее антисемитская направленность ни у кого не вызвала сомнений.

Страсти подогривались газетами. На самых видных местах пестрели сообщения о «раскрытии антипатриотической группы театральных критиков». Стилистика тех выступлений весьма своеобразна. «Какое представление может быть у А. Гурвича о национальном характере русского советского человека?». «Группа оголтелых, злонамеренных космополитов, людей без рода и племени, торгашей и бесовских дельцов от театральной критики», — это уже слова А. Софронова, тогдашнего секретаря правления Союза писателей. И далее его же: «...они хулигански охаживали и злобно клеветали на все то новое, передовое, все лучшее, что появлялось в советской литературе и в советском театре».

Ему вторил другой известный писатель, ныне здравствующий на посту главного редактора журнала. Он уничтожал в статье в «Правде» литературного критика Даниила Данина, «отъявленного космополита», «шельмующего, охаживающего лучшие произведения классической и крупнейшие произведения советской литературы», а также поэтессу Маргариту Алигер. «Вот куда завело М. Алигер подражание Ахматовой — к чудовищному извращению советской действительности...». А на очереди — разгром буржуазных космополитов в киноискусстве.

(Не у них ли заимствуют свои сегодняшние аргументы и фра-

зеологию провокаторы «Памяти» и иные, стыдно сказать, литераторы, громкогласно заявляющие, что истинными патриотами могут быть только русские).

Фадеев признавался Эренбургу: кампания против «группы антипатриотических критиков» была начата им по указанию Сталина.

Арестованных активистов антифашистского комитета обвинили в анти-еврейской агитации, пропаганде, шпионаже.

— Я просидел тринадцать месяцев в одиночке на Лубянке и в Лефортове, — вспоминает М. С. Беленький. — Допрашивали меня два следователя: Демин и Романов. Сутками не давали спать, держали «в ставке». Иногда доносились женские крики, плач. «Это твоя жена, слышишь? — подступал ко мне Демин. — Подписывай!».

Я понимал: если соглашусь с их чудовищным, облыжным обвинением в шпионаже (а «завербовал» меня не кто иной, как Михозлс), то получу «вышку». Поэтому не подписывал этот пункт. Мне и другим, в частности, ставилось в вину стремление оторвать от СССР Крым и присоединить его к государству Израиль. Ни больше ни меньше. Я пытался объяснить Романову всю нелепость и смехотворность обвинения. Тот расхаживал по кабинету и рассуждал вслух: «А все-таки криминалец есть!».

Особое совещание приговорило меня к десяти годам. Вышел

Давид ГАЙ

«ЧЕРНАЯ КНИГА»

ВОСКРЕСШАЯ ИЗ НЕБЫТИЯ

я из лагеря на свободу через пять с половиной лет.

Большинство людей, с кем он сидел на Лубянке, были расстреляны по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Среди них и известный детский поэт Лев Квитко.

— Отец в годы войны сотрудничал в Совинформбюро, — вспоминает его дочь Е. Л. Квитко. — Журналистская работа доставляла ему удовольствие. Он писал очерки о героях войны, например, о Цезаре Куникове. Помню, в антифашистский комитет обратилась женщина с Украины по фамилии Скляренко. Она рассказала, как в деревне во время войны спрятали и спасла еврейскую девочку. В Москву она приехала с этой девочкой. Отец — заместитель ответственного секретаря комитета, пригласил их к нам домой, подарил девочке набор игрушек. Потом у малышки нашлись родственники и забрали ее у Скляренко, ставшей ей второй матерью. Та горевала... Я это к тому рассказываю, что интернациональное присутствие в людях, несмотря ни на что.

Атмосфера становилась все тревожнее. Год сорок девятый прошел под знаком борьбы с «космополитами». Отец чувствовал, что за ним следят. К тому времени были арестованы многие его друзья. Он, однако, не представлял, что может разделить их участь. Он был чистый и наивный. «Я поверю лишь тогда, когда попаду в камеру». И это случилось.

Мы ничего не знали о судьбе отца до конца 1955 года. Только тогда стало известно, что он расстрелян. Мы получили соответствующий документ, в котором говорилось об отмене приговора и о том, что дело за отсутствием состава преступления прекращено. Но отца уже давно не было в живых.

Члены семей арестованных и уничтоженных по так называемому делу антифашистского комитета были осуждены и высланы из Москвы, — продолжает Е. Л. Квитко. — Жены, дети, внуки — все, за малым исключением.

Из тех, кто проходил по этому очередному в реестре сталинских злодеяний сфабрикованному «делу», в живых остались совсем немногие. Большими вернулись поэт Галкин, директор издательства Стронгин, не подписавший обвинения, академик Лина Штерн. Они, живые и мертвые, реабилитированы, восстановлены в КПСС. Дети их получили образование, успешно работают. Сын Д. Бергельсона Лев Давидович — член-корреспондент АН СССР, сын главного врача Боткинской больницы Б. Шимелиовича Лев Борисович — известный в Москве врач. Но раны в памяти зарубцовываются мучительнее, нежели на теле...

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

После всего рассказанного яснее можно представить смысл и значение «Черной книги», ее судьбу.

Обратимся к предисловию. «Все материалы, вошедшие в «Черную книгу», следует разбить на три категории. Первая — письма, дневники, застенотографированные рассказы и показания свидетелей, очевидцев,

спасшихся от гибели жертв фашистской расправы. Ряд писем принадлежит перу людей, казненных немцами. Письма эти были переданы в редакцию «Черной книги» родственниками и знакомыми погибших. Вторая категория материалов — очерки советских писателей. Очерки написаны на основе показаний, писем, дневников, стенографированных рассказов... Третья категория материалов представлена редакцией «Черной книги» Государственной Чрезвычайной Комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов»...

Собиралась «Черная книга», таким образом, не один год. Знали о ней как в Советском Союзе, так и за рубежом. В мае 1946-го Эренбург встречался в Америке с Альбертом Эйнштейном. «Я знал, — пишет Эренбург, — что Эйнштейн интересуется изданием «Черной книги». Я привез некоторые опубликованные материалы, фотографии. Эйнштейн внимательно глядел, потом поднял глаза, я увидел в них скорбь, его губы чуть вздрагивали. Он сказал: «Не раз в моей жизни я говорил, что возможности познания безграничны и безгранично то, что мы должны узнать. Сейчас я думаю о том, что у низости и жестокости тоже нет границ...».

«Черная книга» опоздала с выходом на несколько месяцев. Впрочем, нет гарантии, что

она увидела бы свет и в относительно спокойное время.

— В 1946 году меня назначили главным редактором издательства «Дер Эмес», — вспоминает М. С. Беленький. — Разрешили совмещать эту новую должность с привычной работой в театральном училище. Я считал необходимым иметь в издательстве русскую редакцию. Первая книга, которую мы задумали выпустить на русском, называлась «Партизанская дружба». Она рассказывала о евреях в годы войны, о их дружбе и совместных боевых действиях с русскими, украинцами, белорусами. Книга была пронизана духом интернационализма.

Когда она была подписана в печать, вдруг раздался звонок из ЦК. Меня затребовали «наверх». «Вы издали вредную, националистическую книжку. Тираж пустить под нож». Ушел я оплеванный, оскорбленный абсолютно несправедливым отношением к нашей работе. Директор издательства Стронгин, человек решительный, сказал: «Не будем уничтожать тираж». Руководство ОГИЗ (Объединение государственных издательств) начало давить на нас. Было устроено собрание, где от нас потребовали различных исправлений текста. Мы вынужденно согласились. И все равно тираж пошел под нож. А ведь шел 1946-й, далеко не худший год из послевоенных. Надо ли удивляться рассыпанному и уничтоженному набору «Черной книги».

...Листаю сохранившуюся верстку, вчитываюсь в суровые, горькие и в то же время полные надежды строки. Вступительную статью написал Василий Гроссман. Вот ее окончание: «Пусть навечно сохранится память о страданиях и мучительной смерти миллионов убитых детей, женщин, стариков. Пусть святая память замученных будет грозным стражем добра, пусть пепел сожженных стучит в сердца живущих, призывая к братству людей и народов».

Всего перу Гроссмана принадлежит четыре очерка «Черной книги». Больше всех материалов подготовил Эренбург — 18. Участвовал в создании книги интернациональный коллектив, известные мастера литературы Маргарита Алигер, Всеволод Иванов, Вера Инбер, Лев Квитко, Владимир Лидин, Лев Озеров, Виктор Шкловский...

Верстка, переданная мне моским Л. Карпачевским, не вполне пригодна для издания. Она не выправлена, имеет пропуски. Но, может быть, это не единственный сохранившийся экземпляр? Может, кто-то еще с риском для жизни хранил ее в те годы, черным крылом накрывшие страну?

Появились сведения, что «Черная книга» была переправлена за границу и там опубликована. В любом случае в память о жертвах злодеяний фашистов, в память о безвинно пострадавших членах антифашистского комитета, о тех, кто вложил в книгу сердце и душу, стоит сейчас издать ее в Советском Союзе на русском языке.

Пусть воскреснет «Черная книга» из небытия. Рукописи не горят...

Редактор А. И. Ли